

РУССКАЯ ЯЗЫКОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

И.В. Одинцова¹

*Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о том, как грамматическая и фонетическая системы языка влияют на стратегию языкового мышления и формируют основу русской ментальности, идущей из глубины веков.

Ключевые слова: ментальность, синтетический язык, падеж, согласование, управление, фонетика, редукция, звучащая речь.

Обучая иностранному языку, мы не просто погружаем учащегося в иную языковую стихию, мы формируем у него иной взгляд на мир и на свое место в этом мире. «В каждом языке, – пишет Вильгельм фон Гумбольдт, – заложено самобытное мирозерцание. Как отдельный звук встает между предметом и человеком, так и весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне» [1. С. 80]. «Освоение иностранного языка, – замечает ученый далее, – можно уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» [Там же]. Важно подчеркнуть в этих словах В. Гумбольдта, что в процессе усвоения иностранного языка человек лишь осваивает «новую позицию», которая опосредована «прежним видением мира», то есть, оставаясь верным духовности своего языка, иностранец обогащает свой взгляд на мир и мир становится богаче для него. «Тот, кто имеет язык, “имеет” мир», – пишет Х-Г. Гадамер [2. С. 269]. Путешествуя в страну иного языка, мы всегда «возвращаемся домой, обогащенные новым опытом. Эмигрируя, не возвращаясь домой, мы, тем не менее, никогда не забываем свой дом полностью» [Там же. С. 266]. Образ мира, который человек носит в себе, дополненный взглядом на него из мира другого языка, подобен голографической картинке. При легком смещении угла зрения эта картинка слегка поворачивается и, оставаясь верной самой себе, обнаруживает новые горизонты или в привычном мире позволяет увидеть новые грани².

---

¹ E-mail: odintsova.irina@gmail.com

² Активно используемое в современной методике понятие «вторичной» языковой личности, введенное в научный обиход И.И. Халеевой [3], которое выдвигается в качестве одной из центральных идей современной методике, вряд ли является удачным. И не только эстетическая непривлекательность данного термина тому причина. Полагаем, что и по содержанию этот термин не вполне отвечает сути явления. Овладевая чужим языком, вступая в мир другой духовности, мы не забываем о своей собственной. «Человек, изучающий иностранный язык,

Язык самым тесным образом связан с мышлением. Связь языка и мышления – предмет самых глубоких изысканий разных, не только гуманитарных, наук. Однако, независимо от того, считать ли язык средством «доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в голове (мозгу) человека деятельности» [4. С. 69] и тем самым разграничивать язык и мышление; или же рассматривать язык и мышление как «неразрывные части единого целого – человеческого организма как самоорганизующейся живой системы» [5. С. 2010], а языковую деятельность считать основой человеческой когниции, сущность языка как «артикулированное оглашение мысли» [6. С. 266] остается неизменным.

Коллективный носитель языка связан не только фактом общения на этом языке, но и мировоззренческими, ментальными, поведенческими характеристиками, обусловленными историей развития общества, религиозными представлениями нации. Невозможно освоить язык, не овладевая присущими языку особенностями означивания – обретения смысла с помощью знаков. «Язык – единственное средство, способное помочь нам проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, ибо он определяет способ членения мира в той или иной культуре» [7. С. 8].

Ментальность, которая понимается как «миросозерцание в категориях и формах родного языка, в процессе познания соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных проявлениях» [8. С. 15], изменяется очень медленно, она чрезвычайно устойчива и консервативна. Может быть, это и является основанием сохранности нации, ее непохожести на другие. И самое постоянное в ней – это язык. «Мы живем, – пишет Т.Б. Радбиль, – в культурной среде, в культурной оболочке нашего языка. Язык незаметно для нас пронизывает все области нашего опыта взаимодействия с внешним миром и все попытки заглянуть в себя, он незримо присутствует в нашей сфере ценностей и системе жизненных установок, определенным образом окрашивая и интонируя нашу познавательную и ориентационную деятельность по отношению к экстралингвистической реальности. Не случайно выдающийся философ А. Хайдеггер назвал язык “домом бытия”, тогда как традиционный взгляд на вещи вроде бы предполагает обратное – “бытие есть дом языка”» [9. С. 20].

Именно ментальностью нации можно объяснить такие феномены русской культуры, как, например, архитектурный облик русского храма, в котором экстерьер резко контрастирует с интерьером. Снаружи русский храм, по словам Д.Л. Андреева, – проявление высшей гармонии будь то собор, «осью которого является белый кристалл – белый собор с золотыми куполами и

не изменяет своего отношения к миру, как изменило бы его водное животное, сделавшееся наземным, – но, сохраняя свое собственное отношение к миру, расширяет и обогащает его за счет другого языкового мира» [2. С. 269]. При усвоении иностранного языка не появляется иная, «вторичная», языковая личность, а происходит изменение и обогащение собственного сознания, в том числе и языкового. Речевая практика на другом языке не изолирует языковые личности (изоляция превратила бы общение в хаос), а усложняет сознание человека, делает его общение более осмысленным и комфортным.

столпообразной колокольней» [10. С. 36], устремленный ввысь, к небу, к Богу, или «пестрый теремообразный цветок, изгибающийся своими деревянными или каменными лепестками и будто пребывающий в вечном веселии» [Там же. С. 327], а внутри – другая гармония: «решетчатые окна, узкие приотворы, низкие своды, тяжелые устои, суровые лики, полумрак», иконы, звонкие краски на которых погашены копотью мерцающих свечей. Почему народы, живущие почти в одних географических условиях, в сходных общественных формациях, создали совершенно непохожие архитектурные символы? А литература? Разве можно представить, например, чтобы гений Ф.М. Достоевского появился во французской культуре, а Ги де Мопассана – в русской? Что ни возьми: литература, архитектура, музыка, живопись, фольклор... всё национально окрашено! Не грозят ли процессы глобализации, которые активно протекают сейчас в мире, потерей национальной идентичности?

Язык менее других знаковых систем подвержен изменениям. Свою особость он сохраняет потаенно, независимо и незримо от его носителей. Существует надежда, что ни процессы глобализации, ни реформы русского языка, о которых говорится постоянно в нашем обществе, не смогут разрушить его самобытность.

Так в чем же загадка языка? Что есть такое в языке, что формирует в русском человеке особое мировидение, особую «духовную реальность» [11], делает язык универсальной системой фиксации человеческих представлений, позволяет различным людям, не задумываясь, в каждодневной практике присваивать язык, считая его своим. Человек, «получая по праву рождения язык и выраженные в нем идеалы, ценностные установки и смысложизненные представления... наследует языковую, речеповеденческую, дискурсивную, концептуальную и другие картины мира, которые становятся своего рода матрицей его языкового бытия» [12. С. 1411].

В современной лингвистической литературе проблеме специфики русского менталитета посвящено огромное число работ. Первой, кто начал разрабатывать эту тему, считается А. Вежбицкая, назвавшая «душу», «судьбу» и «тоску» главными константами русской цивилизации. Однако задолго до А. Вежбицкой проблема русской ментальности волновала выдающихся русских ученых, филологов и философов. Еще К.С. Аксаков, А.С. Хомяков, а затем Н.А. Бердяев, В.С. Соловьев и др. пытались отыскать «основу формаций русской души» [13. С. 30].

Рассуждения о ментальности затрагивают прежде всего лексический уровень языка. И это понятно. «В лексических единицах, рассматриваемых с ономаσιологической точки зрения, то есть в их отношении к экстралингвистическим данным (к миру и человеку), естественно зафиксированы их многообразные свойства, качества, представления» [14. С. 120]. Лексическое значение слова, представляя собой многокомпонентную структуру, способно не только отразить сигнификат и денотат, но и содержать культурные, стилистические, экспрессивные коннотации. Национально-специфическая информация, лежащая в основе языковой картины мира – образа мира, запечатленного в

семантике языка – аккумулируется прежде всего в лексике. А.Ф. Лосев утверждал: «...наименовать вещь – значит понять ее, ибо тот, кто именуется что-нибудь, должен и отличать себя от именуемого (вещественно) и отождествлять себя с ним (по смыслу), а это смысловое, умное отождествление себя с вещью, которая, как вещь, продолжает быть отличной, и есть понимание» [15]. Поскольку словом именуется не просто вещь, а возникающий в сознании человека концепт, стоящий за словом, именно лексика легла в основу стремительно развивающейся сегодня такой отрасли языкознания, как «концептология».

Грамматика в отличие от лексики не несет вещественной информации, в акте речи она не является предметом сообщения. Однако грамматика, так же как и лексика, представляет действительность и участвует в формировании связи между языком, сознанием и действительностью. «Культурологическая маркированность грамматики гораздо более тонкого свойства» [16. С. 30], чем маркированность лексическая. Грамматика не рефлексивируется носителями языка. Она служит когнитивным фоном, обеспечивающим континуальность языкового пространства. А ее экспликация подобна расшифровке культурного кода. Как замечает Р. Якобсон, грамматика, подобно геометрии, «налагает простые геометрические фигуры поверх живописного мира частных предметов и поверх конкретной лексической “утвари” словесного искусства» [17. С. 415]. Грамматика, по мнению Р. Мюнха, – «это страна без границ с обширными еще не изученными областями, всегда открытая для новых находок и исследований; эта наука обладает почтенным возрастом, благородным происхождением и сегодня еще достойна усердных трудов» (цит. по [18. С. 267]). Если словарь снабжает нас системой понятий, то «за синтаксисом закреплена система “конфигураций”, которые организуют эти понятия в коммуницируемые формы (Jackendoff)» [19. С. 306].

Грамматика, представляя собой когнитивный механизм построения предложения, имеет наивысшую степень обобщения. В ней отражены базисные пропозиции, которые организуют мысль, оформленную в опоре на национально обусловленные средства выражения. Трудности, с которыми сталкивается иностранный учащийся, а также их ошибки, могут в известной степени служить ориентиром в определении специфики отражения образа мира в языке. Отметим некоторые из них.

Падежная система вызывает трудности у всех без исключения иностранных учащихся. И это понятно. Многозначность падежей, многообразие флексий существительных, прилагательных, числительных, местоимений, связанных с категорией падежа, разнообразие чередований в основе существительных при их словоизменении, а также предложно-падежное управление представляют серьезную трудность для иностранцев.

Русский язык принадлежит к языкам синтетического строя. В нем грамматические отношения выражаются «в пределах одной словоформы (без помощи служебных слов, порядка слов и суперсегментных единиц)» [20. С. 532–533], что формирует высокую предсказуемость употребления форм как в письменной, так и в устной форме. Категория предсказуемости во

многим обуславливает согласованность и связанность русского синтаксиса. Еще до предложения можно определить семантическую роль, которую будет играть слово в предложении. Например, форма *книгу* свидетельствует о том, что это слово женского рода, единственного числа и стоит в винительном падеже. В предложении оно будет выступать в роли прямого дополнения: *Он читает книгу; Он покупает книгу*. В аналитических языках «грамматические отношения выражаются служебными словами, порядком слов, интонацией» [Там же. С. 530]. И до словосочетания или предложения нельзя сказать, какую функцию будет выполнять слово. Например, слово *round* может обозначать совершенно разные грамматические явления: *a round table* – круглый стол; *to make (the lips) round* – сделать (губы) круглыми; *a round of politicians* – круг политиков.

Русский падеж не является чисто морфологической категорией, потому что те роли, которые способна выполнять падежная форма в предложении, зависят не только от самой категории, но и от синтаксической позиции имени в предложении: *город моей мечты; это – город, где я родился; я еду в город; я вижу город*, а также от примененных служебных слов: *поехать лесом, поехать по лесу, поехать через лес, поехать вокруг леса*.

Как известно, падежная форма имени в предложении может как относиться к одному слову в предложении, так и распространять все предложение в целом. В присловной позиции главное и зависимое слово соединяются на основе согласования, управления и примыкания. При согласовании зависимое слово уподобляется главному в общих для них грамматических категориях (роде, числе, падеже): *веселый друг, веселого друга, веселому другу; веселая подруга, веселой подруги, веселой подруге* и т.д. При управлении формируется связь, при которой лексико-грамматические свойства главного слова предопределяют наличие зависимого имени в форме косвенного падежа: *писать другу, писать письмо, писать о брате; книга про войну, книга с иллюстрациями, книга без обложки*. Овладеть русским языком невозможно без усвоения синтаксической связи управления, прежде всего глагольного управления. Большую роль в предсказуемости управляемой формы зависимого члена играет глагольная префиксация. Приставка в глаголе способна не только менять его видовую семантику: *делать/сделать*, модифицировать его лексическое значение: *войти, выйти, подойти, отойти, зайти, обойти* и т.д., но и обуславливать характер сочетаемости глагола, предопределять форму зависимого слова: *войти в дом, выйти из дома, подойти к дому, отойти от дома, зайти за дом, обойти дом*. Кроме префиксации в формировании связанности форм в словосочетании активное участие принимают суффиксальные средства: *учить (учить русскому языку детей) – учиться (учиться музыке), учительница (учительница по английскому языку), учебник (учебник по химии)*, а также префиксально-суффиксальные способы: *писать (писать письмо другу) – записать (записать телефон в книжку), расписаться (расписаться в получении документа), подпись (поставить подпись под документом)* и т.д.

Наличие в языке различных способов выражения значения слов с помощью окончаний, префиксов, суффиксов обеспечивает формальную

избыточность создания смысла. «Плеоназм (избыточность выражения) – особенность русской речи» [21. С. 76]. Избыточность выражения смысла формирует высокую предсказуемость, стабильность и надежность организации русского предложения. Именно избыточностью средств выражения можно объяснить свободный порядок слов в русском языке (в отличие, например, от английского, аналитического, языка, где значение словоформы, ее функция и роль определяются позицией в предложении).

Благодаря синкретичному способу выражения грамматических значений в методике преподавания русского языка иностранцам основополагающим является функционально-коммуникативный метод: грамматические формы вводятся не изолированно, а на синтаксической основе, то есть в составе словосочетания и предложения (подробнее см. [22]). Подобный подход предполагает тесную взаимосвязь всех уровней языка: лексики, морфологии, синтаксиса, словообразования, фонетики.

Флективная «природа» русского языка, пишет А.А. Тихонов, «достигаемая с помощью богатства суффиксов, аффиксов, префиксов, а также лабильность грамматических форм и т.п. в достаточной мере показывает его открытый, пластичный, соборный и динамически меняющийся характер» [23. С. 170].

«Пластичный» характер русского языка отражается и в фонетике, в особенностях звучащей речи. Русское ударение создает уникальный звуковой образ слова. Гласный, на который падает ударение в слове, отличается от безударных большей длительностью, напряженностью и силой. На редуцированном гласном ослабляется сила произнесения звука и резко сокращается время его произнесения. В результате – ударный гласный становится акустически интенсивным, а безударные гласные подвергаются редукции, количественной и качественной: *гóрод*, *городовóй*, *зáгородного*: [гóрът], [гъръд^вóй], [зáгъръднъвь]; *пятидесяти*: [п'ит'йд'ьс'ьт'ь]. Редукции гласных, ассимиляция согласных по глухости-звонкости, оглушение звонких согласных в конце слова, ассимиляция согласных по мягкости, выпадение согласных в консонантных сочетаниях – всё это формирует слитность произношения. Избыточность средств выражения смысла в синтетическом русском языке обуславливает, например, направление ассимиляции согласных звуков: для русского языка характерна регрессивная ассимиляция, когда последующий звук меняет качество предшествующего: *поезд* – [пóист]. В английском же, аналитическом, языке, напротив, – ведущей ассимиляцией является прогрессивная: предшествующий звук влияет на последующий. Для английского языка необходимо сохранить облик слова в потоке речи, не допустить размывания границ между морфемами. Синтетический же строй русского языка не предполагает тесной взаимосвязи между морфными и слоговыми границами, что обуславливает подвижность слоговой границы между морфемами в слове: *год*, но *го-до-вой*, в фонетическом слове: *перед обедом* – [п'ь-р'ь-д^л-б'э-дъм].

Слитность произношения характеризует и звучащее предложение – высказывание. С точки зрения ритмико-интонационной особенности русской

звучащей речи высказывание членится не на слова, а на синтагмы. В звучащей речи группы слов в синтагме произносятся слитно, непрерывным потоком, с одним интонационным центром. Паузы делаются только между синтагмами. Отличительной чертой русской звучащей речи является переразложение границ слогов на стыках слов в синтагмах: *вот опять окно* – [вó-т/\-п'á-т'/\к-нó]. Подобно ударению в слове интонационный центр в синтагме (вместе с движением тона) организует предложение, создавая неповторимый облик русской звучащей речи.

Слитность звучащей речи в русском языке поддерживается характером артикуляционной базы русского языка – совокупности привычных движений и состояний органов речи, необходимых для произнесения звуков. Артикуляционная база «формируется на основе динамики – определенных артикуляций, свойственных русскому языку, и статики – артикуляционного уклада – установки артикуляторов, находящихся в положении, обеспечивающих экономное выполнение произносительных движений» [24. С. 22]. «Русский молчит по-русски» – это значит, что в состоянии молчания наши артикуляционные органы находятся в положении, удобном для произнесения русской речи. Для русского языка характерно следующее положение артикуляторов: губы несколько вытянуты вперед; кончик языка упирается в нижние зубы; передне-средняя часть языка чуть приподнята к небу. В английском языке, например, (особенно в его американском варианте) в состоянии покоя наблюдается совершенно другое положение органов речи: губы слегка растянуты и напряжены; кончик языка загнут к верхним зубам и слегка оттянут назад; средняя часть языка занимает ровное плоское положение в полости рта. Для русского языка характерна подготовка артикуляционного уклада на [и], для английского – на [э]. При общении с американцами складывается впечатление, что они люди веселые, потому что улыбка постоянно присутствует на их лицах. Русские же производят впечатление людей грустных, недовольных, даже хмурых. Улыбка, вернее, – положение губ, сопровождающих улыбку, не характерна для речи носителей русского языка. Улыбчивость и неулыбчивость связаны не только с характером американцев и русских. Скорее, дело в особенностях артикуляционного уклада носителей русского и английского языков. Отодвинутость основных артикуляций в глубь ротовой полости автоматически раздвигает губы. И напротив, сосредоточие артикуляций в передней части ротовой полости, у нижних зубов, продвинутость языка вперед препятствуют постоянному раздвижению губ в русском языке³.

Явления слитности, связанности, согласованности, подтвержденные грамматическими и фонетическими данными, не лежат на поверхности

³ «Все гласные в русском языке, зубные согласные [т], [д], [н], [с], [з], аффриката [ц], губно-губные [п], [б], [м] и губно-зубные [ф], [в] образуются при опущенном кончике языка; при образовании заднеязычных [к], [г], [х] и среднеязычного [й] кончик языка также опущен к нижним зубам; и, наконец, почти все мягкие согласные образуются при опущенном к нижним зубам кончике языка. В английском же языке нет звуков, которые произносились бы при опущенном к нижним зубам кончике языка (за исключением согласных [s], [z], при артикуляции которых допускается положение кончика языка как у альвеол, так и у нижних зубов)» (подробнее см. [25]).

коммуникации. Они заложены глубоко в структуре языка. Эти явления свидетельствуют о своеобразном восприятии мира носителями языка. Будучи языковыми универсалиями, они отражают «закономерности, характеризующие свойственные данной ментальности особенности согласования: оно происходит за счет подстраивания под другого через изменение себя» [26. С. 61]. Особая лингвокогнитивная упорядоченность сознания русского человека, отраженная в языке, есть воплощение исторической реальности, которая унаследована этносом. Синтетизм, являющийся, по мнению многих исследователей, более архаичным явлением, чем аналитизм, – не просто системно-структурная черта русского языка; синкретизм – онтологическая основа русской ментальности, идущая из глубины веков.

Овладевая иностранным языком, учащийся приобретает к национальному миропониманию изучаемого языка. Методика же преподавания РКИ (русского языка как иностранного) на протяжении многих десятилетий выработала эффективный, лингвокогнитивный методический аппарат, который не только способствует обучению правильному произношению и корректному оформлению мыслей на языке, но и формирует у учащегося готовность к социокультурному взаимодействию с представителями изучаемого языка, развивает у него способность смотреть на мир глазами носителя языка.

Литература

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
2. Гадамер Х-Г. Истина и метод / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
3. Халева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М.: Институт русского языка РАН, 1995.
4. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. 4. С. 11–24.
5. Кравченко А.В. Репрезентация мыслительных структур в языке» как тема научного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 12. С. 20–216.
6. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993.
7. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Когнитивные аспекты языка // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 12–51.
8. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
9. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2013.
10. Андреев Д.Л. Роза мира. М.: Иной мир, 1992.
11. Постовалова В.И. Язык как духовная реальность: учение об имени и молитве в православной традиции (истоки, направления, концептуальное развитие). М.: Культурная революция, 2000.
12. Владимирова Т.Е. Экзистенциально-онтологическая парадигма обучения иностранных студентов русскому языку // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2018. № 6. С. 1411–1416.
13. Бердяев Н. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008.
14. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебрянников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М.: Наука, 1988.

15. Лосев А.Ф. Вещь и имя. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/vesch_im.php (дата обращения: 22.01.2021).
16. Бредихин С.Н. Лингвокультурологический аспект смыслопорождения на грамматическом уровне. Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. I. 2013. № 3 (21). С. 29-33.
17. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462-482.
18. Макурова С.Р. «Лингвистика» – «грамматика» – «лингвистика (грамматика) текста»: содержание и корреляция понятий // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 5. С. 267–271.
19. Фурс Л.А. Уровни категоризации в синтаксисе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009.
20. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
21. Пименова М.В. Ментальность и концептуальная система // Textus. 2010. № 13. С. 73-79.
22. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный / под ред. А.В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Моск. ун-та., 2009.
23. Тихонов А.А. Открытость и соборность русского языка и менталитета // Поволжский педагогический. 2013. № 4 (6). С. 167-171.
24. Кулешов В.В., Мишин А.Б. Сопоставление артикуляционных баз английского и русского языков и фонетическая интерференция. М.: Изд-во МГУ, 1987.
25. Одинцова И.В. Звуки. Ритмика. Интонация: учебное пособие. 10-е изд. М.: Изд-во «ФЛИНТА», Изд-во «Наука», 2020.
26. Мельникова А.А. Анализ синтаксиса как метода познания национальной ментальности: русская онтология и гносеология в зеркале языка // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2011. № 21. С. 59–71.

RUSSIAN LANGUAGE MENTALITY IN THE ASPECT OF LINGUODIDACTICS

I.V. Odintsova

*Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation*

Abstract. The article discusses the question of how the grammatical and phonetic structure of the language determines the structure of the sentence and the features of the Russian sounding speech, influencing the strategy of linguistic thinking and forming the basis of the Russian mentality, coming from the depths of centuries.

Keywords: mentality, synthetic language, case, coordination, management, phonetics, reduction, sounding speech.